

ОСИНСКАЯ ГАЛГОФА

К 19 февраля 1919 года 3-й Степной Сибирский корпус генерал-лейтенанта Вержбицкого вышел к рубежу реки Тулвы, а левым флангом - к г. Осе, завязав за него бои. На город наступали: 3-я Иркутская Сибирская дивизия генерал-майора Гривина в составе: 9-го Иркутского, 10-го Байкальского, 11-го Нижнеудинского и 12-го Верхнеудинского полков и колонна подполковника Казагранди в составе: 15-го Курганского, 16-го Ишимского и 3-го Оренбургского казачьего полков. Слева действовала 7-я Степная Сибирская дивизия полковника Черкасова в составе: 27-го Верхотурского и 28-го Ялуторовского полков. На самом правом фланге корпуса в районе Чернушки вела бои 15-я Воткинская дивизия полковника Альбокринова в составе: 1-го Воткинского, 2-го Сайгатского, 3-го Осинского и 4-го Сводного Воткинского полков.

Лавровская г. Осы

Со стороны красных против корпуса генерала Вержбицкого действовала 2-я Красная армия под командованием Шорина в состав 21-й стрелковой дивизии (бывшая 5-я Уральская) под командованием Овчинникова и 28-й стрелковой дивизии под командованием Азина. 21 дивизия состояла из 2-х бригад. В 1-ю бригаду (Бирскую) входили 1-3 Бирские полки и отряд матросов Кожина. Во вторую бригаду входили 56-й Костромской (командир Буриченко) и 57-й Шуйский (командир Туретных), 248-й Володарский (командир Лунц) и 252-й Святогорский (командир Коробейников) полки. На 28 января 1919 года 56-й Костромской полк 3-х батальонного состава имел 1080 штыков, 28 пулеметов и 4 бомбомета.¹

Нас интересуют события, происходившие вокруг г. Осы. Если со стороны красных они как-то освещены, то с другой стороны - это белое пятно. Постараемся это восполнить. Напомним, что на город наступала колонна подполковника Казагранди в составе: 15-го Курганского, 16-го Ишимского и 3-го Оренбургского казачьего полков. Численность ее доподлинно не известна, но на 22 февраля 16-й Ишимский полк насчитывал 3173 стрелка и 249 офицеров. Активных штыков было 1659, 104 сабли и 34

пулемета.² Командовал 16-м Ишимским полком капитан Метелев, а 15-м Курганским – капитан Вержболович. Перед наступлением колонна находилась на отдыхе в Юго-Кнауфском и Ашапском заводах. Пополнение поступало из г. Кунгура, где разместились 4-х батальонный 1-й Кунгурский кадровый полк. 4-й батальон пополнял 16-й Ишимский полк, а 3-й – 15-й Курганский. Мобилизованные были из Верхотурского и Кунгурского уездов.³

2-я Красная армия имела на 15 февраля 17900 штыков, 760 сабель, 439 пулеметов и 72 орудия. 3-й Степной сибирский корпус белых имел на этот момент 22000 штыков.⁴ Количество пулеметов и орудий красному командованию не было известно. Превосходство белых было незначительное.

20 февраля красная артиллерия, установленная на Конской и Комаровской площадях и на Горе, начала обстрел белых позиций из 3-х дюймовых орудий. Из последней велся огонь по д. Мазунино. Белые также, подтянув артиллерию, повели обстрел города, нанеся большие разрушения в нем. Сгорела от снарядов часть каменного винного склада, и дом, повреждены многие строения, стены, крыши, трубы, выбиты стекла и рамы во многих домах⁵. Жителям города, положение которых было ужасное, приходилось ежедневно прятаться от обстрелов в подвалах каменных домов⁶. Это отмечали даже советские руководители города. Так начальник осинской милиции С.И. Волк-Крачевский докладывал в конце февраля 1919 года: «Настроение населения тревожное ввиду близости фронта (4 версты), обстрела города из орудий, в результате чего случаются пожары (2-3 на дню), которые никто не тушит, т.к. нет пожарной дружины, ежедневной смерти мирных жителей, крушение ежедневно аэропланов, которые сбрасывают на город листовки и снаряды и продовольственного и дровяного кризиса»⁷. В листовках полковник Казагранди призывал красноармейцев: «Откройте глаза, очнитесь, перебейте ваших комиссаров, бегите из рядов Красной Армии. Спасайтесь пока не поздно...»⁸. Агитация давала свои плоды. Так шестеро милиционеров во главе с Яковлевым остались в Осе, при отступлении красных. Они пытались арестовать нескольких комиссаров, чтобы лелье их не тронули, но это им не удалось.⁹

22 февраля, ведя упорные атаки на г. Осу, части полковника Казагранди заняли с. Гамицу, отбросив противника на линию Федорки – Уймашева – Арбузова – Метляково – Симакова – Тишкова – Оса – Кочешашево – Богомолово¹⁰. На этом рубеже, в 6-ти верстах от Осы, красные закрепились основательно, вырыв окопы и установив проволочные заграждения. Бои на этих позициях продолжались две недели¹¹.

Красные были разгромлены сначала под Елпанчихой, а затем на рубеже деревень Федорки – Уймашева. 24 февраля 1919 года 248 Володарский полк красных, заняв деревни Федорки и Уймушево, остановился до утра там. Забрав у населения продовольствие, и, не выставив охраны, не выслав разведки, не установив связи с соседними частями, расположился на отдых. Ночью части подполковника Казагранди, при поддержке населения, окружили полк. Два батальона были уничтожены полностью, а остатки бежали в панике, оставив обоз и пулеметы.¹²

К 24 февраля Сибирская армия завершила окружение г. Осы. Начались жестокие бои за город, которые не прекращались даже ночью. С севера 3-я Иркутская дивизия с упорными боями заняла д. Горы и Ермакова и с. Богомяково, и, ворвавшись на окраину г. Осы и в деревни Кочешашево, Аромашево, вела уличные бои, как в Осе, так и в д. Кочешашево, Аромашево. Красные отчаянно защищались. Так из Кочешашево на помощь сражающимся в Богомяково красноармейцам была брошена рота красноармейцев, которые с криком «ура» выбили белых из села. Не менее жестокий бой шел и на подступах Осы. 25 февраля части 3-й Иркутской дивизии ворвались в д. Кочешашево и продолжали вести бои на восточных окраинах г. Осы, а части Казагранди с боем продвигались к городу с юга, заняв с. Крылова и д. Петухи, Мостовая, Осимовка, Коршаково, что 5 верст южнее г. Осы. К вечеру д. Кочешашево была взята 3-й Иркутской дивизией.

Таким образом, город Оса был окружен сибирскими частями с трех сторон. Об этих днях вспоминал шесть лет спустя боец 21-й Пермской стрелковой дивизии Лазарев: "Чуть забрезжится холодное февральское утро, окрестности вновь оглашаются трескотней ружей, рокотом пулеметов и грохотом пушек, наполняющих воздух тысячами смертей. Лишь густая темнота наступающего вечера, казалось, давала отдых усталым обмерзшим бойцам. Но так только казалось. Лыжники противника в белых халатах, как шакалы, уже рыскали в ночной глубине и зорко выслеживали расположение и бдительность обороняющихся. И так, изо дня в день в течение 38 суток, из которых каждые уносили из рядов дивизии сотни лучших боевых товарищей.

К 24 февраля борьба достигла своего апогея. Кама знала, как в эту ночь полки белых легко, перешагнув ее окованное тело, обходом отрезали Богомяковское с его немногочисленными защитниками-шуйцами. Как одновременно с этим начались яростные атаки Осы, обороняемые костромичами и бирцами.

Все уже становится кольцо белых у Богомяково. Уже целый день идет неравный бой, покидают последние силы бойцов. Сильно покраснели снега Богомяково. Слышны разъяренные крики белых, требуя покорности. Опыленные иступленными порывами, противник, как крупный банкир, бросал на жерла наших пушек и пулеметов не жидкие цепи, а густые ротные колонны своей пехоты. Скоро и жадно поглощала их стихия раскаленного металла. По десять раз в сутки разбивались лавины белых о несокрушимую стойкость костромичей и бирцев, которые так и не сдали Осы."¹³

26 февраля части 21-й стрелковой дивизии красных перешли в наступление в районе г. Осы, но все их атаки были отбиты, при этом они потеряли 2 пулемета, 56 пленных 56-го Костромского полка. В этот же день после артподготовки красные атаковали колонну Казагранди районе д. Гамицы, но безуспешно. На левом фланге северо-западнее Елпачихи колонна Казагранди отступила к д. Долгая Гора, но затем повела наступление и заняла д. Загорная.

1 марта белые все же ворвались в город, но контратакой батальона 56-го Костромского полка были выбиты. Не сумев с ходу ворваться в город, подполковник Казагранди более плотным кольцом охватывал Осу. В этот день (1 марта) белые довольствовались занятием д. Туганай, что 5 верст южнее Осы и рядом мелких деревень в этом же районе.¹⁴

2 марта 21-я стрелковая дивизия красных предпринимает попытки вернуть утраченные позиции. Под прикрытием артиллерийского огня ее части 4 раза атаковали д.д. Кочешаево и Богомяково, но безуспешно. Атаки велись и южнее Осы, где красные части вели наступление на Аромашево, Мазунино, Гамицы и Крылово, но также безуспешно.

К 3 марта 21-я стрелковая дивизия укрепилась на линии Пермяково - Майдан - Арбузова - Глубокая - М. Никольская - Залесная - Кокшарово.¹⁵ В этот день белые вели настойчивые атаки на д. Симаково, но безуспешно. Их атаки не прекращались ни на день, сжимая кольцо окружения, и 7 марта 1919 года они перерезали тракт Оса - Устиново - Воткинск. Единственный путь к отступлению был отрезан. 56-й Костромской полк, оборонявший г. Осу, вынужден был прорываться из города по бездорожью в направлении села Крюково, минуя д. Устиново. Ночь красных застала в д. Ново-Ромашково. Казагранди прилагал все силы, чтобы не упустить врага из ловушки. На рассвете к деревне подошли белые, выставив против дороги 7 пулеметов, которые держали на прицеле дорогу. Единственный путь к отступлению красным был отрезан. Понимая положения, командир 56-й Костромского полка, выставил против белых один пулемет, который собственной смертью должен был спасти остатки полка. А обозам и конникам он приказал пробиваться по дороге. Пехота он отправил по глубокому снегу в лес в глубокий обход. Белые уже готовы были броситься в атаку, когда красный пулеметчик открыл огонь. Путем собственной гибели, он отвлек на некоторое время пулеметы белых, дав возможность обозам прорваться по дороге, а пехоте уйти в лес.¹⁶

Итак, 7 марта 1919 года в 3 часа дня в Осу по комаровскому тракту вошла конная разведка 16-го Ишимского полка, а вскоре подошли и основные силы колчаковцев.¹⁷ Что же увидели осаждавшие город: «В первом же квартале дом, разбитый снарядом. Дальше еще несколько домов «подбитых», или с вышибленными стеклами в окнах.

В городе «отсутствие торговых лавок, которые на площади были снесены большевиками, сама площадь окаймлена тумбами, а посреди ее высился помост и аллегорическая фигура женщины, кажется, с факелом в поднятой руке, символизирующая свободу. Последнее было организовано большевиками для октябрьских торжеств».¹⁸ На площади, против нового собора, дом с развороченным углом и с выбитыми рамами. Не пощадили снаряды и самого собора; в левой части алтаря, под самой крышей разорвался снаряд и пробил значительную брешь. Часть крыши закинута, а стена дала значительную трещину по направлению к земле. Потолок алтаря не пробит и собор внутри не пострадал.

«Город как бы умер и является огромным кладбищем: на улицах - сугробы снега и небольшие тропинки на тротуарах для пешеходов; часть домов, и таких много, занята была разного рода советскими учреждениями. Теперь они стоят с раскрытыми дверями и воротами. Внутри таких домов решительно ничего нет, обстановка вся увезена при эвакуации большевиками, а некоторая ее часть, как передавали в городе, была свалена ими во дворе милиции, разрублена и сожжена. В домах этих пол в комнатах, в разной степени, загрязнен человеческими испражнениями».¹⁹

На вопрос – красные сильно вас здесь беспокоили? – слышим почти от всех одинаковый ответ: «Ох, не говорите, уж лучше, - не думали уже пережить всех матырств. Прихода белых ждали как светлого дня воскресенья» «Берут все тащат – так, Бог с ними, тащи лишь бы самого оставили в живых. Ночи не спишь – дрожишь. Вот придут, арестуют и расстреляют ни за что, ни про что, просто по навету какой-нибудь ихней бабенки или пьяного красноармейца».²⁰

Встреча освободителей Осы с жителями города описана очевидцем: “Трудно передать, какой тревогой и радостью билось наше сердце, когда мы увидели на улицах города первый – конный отряд с белыми платками на левой руке. Раздался радостный звон на соборной церкви, все жители вдруг появились на углах улиц, указывая путь отступления красных, а солнце радостно грело и манило к новой жизни... Только плакали, плакали те, у кого позади были одни кровавые жертвы.

В день великого воскресения города, расстрелянные «на борку» мужья и братья не могли воскреснуть.

У собора был молебен, и освободитель Осы полковник Казагранди, заметив слезы бледных, несчастных женщин, спросил: “Зачем я вижу слезы на глазах многих гражданок?”

Ему ответили? “Плачут от радости”.

О нет! Они плакали от великого горя... Молодая, русская армия освободителей пришла в Осу поздно, слишком поздно!

«На борке» уже лежало 1800 трупов! Это лобное место стояло перед взорами плакавших женщин, когда возносилась молитва за освободителей”.²¹

Местность, под названием «на борке», находилась вблизи города, возле татарского кладбища, (на берегу р. Камы в версте от г. Осы).²²

О положении в г. Осе докладывал командир 3-го Степного корпуса генерал-лейтенант Вержбицкий командующему Сибирской армией генерал-лейтенанту Гайде:

«В период господства так называемой «советской власти» местное население пережило страшные кошмарные дни; система красного террора, в связи по видимому, с неудачами красных войск на фронте, нарастала по мере продвижения сибирской армии все далее на запад, достигла в Осе и Осинском уезде своего апогея.

Без преувеличения можно сказать, что пережитые обывателями ужасы составят одну из самых кровавых страниц в истории комиссародержавия в России.

Репрессиям и расстрелам без следствия и суда подвергались ни в чем не повинные граждане по малейшему подозрению в контрреволюционности, в не сочувствии советскому режиму, за малейшее проявление ослушания, за намек на недовольство распоряжениями представителей власти, при чем пощады не получали ни женщины, ни старики, ни дети. Яркой иллюстрацией вышесказанного является следующий вопиющий факт: в одной из деревень была расстреляна женщина, обремененная большой семьей, только за то, что осмелилась прибегнуть к единственному средству протеста – слезам, когда у неё отобрали корову.

В результате красной вакханалии в г. Осе и его окрестностях обнаружено пока около 2 тысячи трупов, слегка лишь забросанных землею. В числе жертв большевистского зверства - вся местная интеллигенция и много служащих правительственных и общественных учреждений; не щадилась рука палачей и представителей физического труда – крестьян и рабочих, поскольку они позволяли себе запрещенную роскошь «сметь свое суждение».

В настоящее время местное население представлено преимущественно женщинами и детьми, мужчины же, коих осталось мало, частью истреблены, частью эвакуированы²³.

Репрессии в Осинском уезде усилились с вступлением в командование особыми отрядами Ю.Ю. Аплока. Воткинские повстанцы, которым симпатизировали местные жители, громили его отряды, при этом в плен красноармейцев-добровольцев они не брали. В ответ красное командование ужесточает меры по борьбе с контрреволюцией. В газетах появляется следующее объявление, которое в комментариях не нуждается:

«Граждане

Я предупреждаю всех и каждого, что в случае покушения и убийства кого либо из советских работников, матросов или красноармейцев мною будут тотчас расстреляны 10 человек из буржуазии, которые находятся у меня на учете, а при повторении такого случая, я не остановлюсь перед тем, чтобы увеличить эту репрессию еще в несколько раз.

Командир Особых отрядов 3-й армии Аплом».

Осинская ЧК располагалась в небольшом двухэтажном доме, принадлежащей местной домовладелице Осиповой. До революции дом занимало уездное полицейское управление. Вверху было «судилище». Внизу, в полутемном подвальном помещении, состоящем из одной квадратной камеры в семь шагов при двух миниатюрных оконцах с решетками, двух таких же полутемных камер по одному оконцу в каждой, коридор и архив. Здесь ежедневно томилось в смертельной тоске не менее 80-100 человек, ожидая ежеминутно грубого и рокового вызова своей фамилии.

Темно, сыро затхло и холодно было в этом страшном подвале! Стены испещрены надписями тех, кто сидел и томился здесь. В одной камере, большой, на нарах имеется вырезанная надпись «П.И. Кузнецов», который с известным гуслиром – художником А.И. Кузнецовым, был расстрелян красными «на борке». В прошлом году гуслир Андрей Кузнецов имел шумный успех у публики своей игрой на гусях.

После ухода красных в камерах можно было прочитать надписи:

«Здесь приговорен к расстрелу Пермяков, Пермского уезда» - гласит вторая запись.

В другой небольшой камере можно разобрать следующие надписи: «Прощай жизнь, прощай все и жизнь молодая». Следует неразборчивая надпись какой-то учительницы. Надпись Федора Хлебникова гласит: «Прощай жизнь! 23 августа 1918 г. Некто Бобров, Валентин Алексеевич, сообщает о себе, что он сидел здесь 29 сентября 1918 года, а ниже следующие лаконичные слова: «Лавр Боздколов. Больше ничего не говорю 1918 года марта 1-13 дня.

Красноармейцы в Осе

В третьей, такой же по величине камере можно разобрать надписи: «Сидели барышни: Красноуфимского уезда – Анна Исакова, Осинского уезда – Евдокия Талина».

Надписей было много. Сотрудник газеты «Наша газета», писал, что их хватило бы на всю их газету.²⁴

Репрессии были настолько не обоснованными и жестокими, что основной исполнитель, председатель Осинской ЧК местный сапожник С. И. Грязных, исполнявший эту должность с 30 мая, отличавшийся особой жестокостью, собственноручно расстрелявший не один десяток людей, на одной из обычной товарищеской попойке в пьяном виде застрелился 23 сентября 1918 года.²⁵ Последние недели он проявлял признаки несомненной ненормальности. Галлюцинации мучили его. Замученные им многочисленные жертвы иногда толпой окружали его, и он, крича: «Опять они около меня! Опять они здесь!», выхватывал револьвер и садил пули в не дававшие ему покоя призраки.²⁶

Его заменил некто Борисов, отбывший до революции 14 лет каторжных работ. Его расстреляли красные за необоснованные расстрелы.

Из членов чрезвычайной следственной комиссии арестовать никого не удалось (кроме местного сапожника Галдобина),: они бежали, совершив свое ужасное кровавое дело над неповинными людьми. Но имена их известны, и этим извергам не избежать, конечно, рано или поздно сурового возмездия.

Сверхжестокостью отличались здесь работники ЧК: Мотовилихинский рабочий Шамарин, Аркадий Кузьмин, Николай Гросс, Иван Горшков и Белов, и местный сапожник Бахарев. Часто руководил обысками, служа в чрезвычайке, сын местного священника Польшгалов.

Поговаривали местные жители, что когда Польшгалов подвизался в чрезвычайке – его родной отец томился в это время в местной тюрьме, как опасный для советской власти контрреволюционер.

Не меньшей жестокостью зарекомендовал себя: Плотников из Еловской волости, местный житель Алексей Феофанов, пермяк Королев Иван Иванович, местный сапожник Теплухин и его достойный соратник Толстиков, друг расстрелянного Борисова.

В городе циркулировали слухи, что Толстиков, будто бы, жил в Осе и после прихода белых. Все эти лица, занимавшие разные советские должности, имели огромное влияние в ЧК, с которой у них было самое тесное и близкое общение.

Н. М. Кобелев

Н. А. Лыткин

Осинские комиссары

Об обращении с арестованными в этом помещении говорить не приходится: оно было столь же ужасно, как ужасны переживания в том полутемном холодном каменном мешке, в который никогда не заглядывало солнышко, тех людей, которые сюда попадали.

Грубые окрики красноармейцев с примесью сквернословной брани, побои прикладами, и столь же жестокое обращение членов чрезвычайки с арестованными, были для этих мучеников невыносимым, сверхчеловеческим испытанием». В газете боевой колонны подполковника Казагранди приводится пример: «Можно судить о тех ужасах, что довелось пережить здесь мирным гражданам, жизнь которых в каждую минуту находилась в полной зависимости от случайной прихоти или взгляда какого-нибудь матроса Кузьмина или сумасшедшего сапожника Грязнова!

Ведь недаром же местные интеллигентные люди боялись лишний раз показываться на улице, чтобы не навлечь на себя случайного гнева или подозрения пьяного советского комиссара и не попасть в застенки осинской чрезвычайки.

А такие случаи были!

Одна дама местного общества, муж которой сидел в тюрьме, как контрреволюционер и саботажник, узнала, что утром его поведут «на борок», место где сотнями погибли неповинные люди от красноармейских винтовок или шашек.

- Меня охватила смертельная тоска, передавала мне эта дама, и страх за судьбу мужа. До этого – все же не верилось, что его расстреляют... Теплилась где-то глубоко надежда, что, может, минет его чаша тяжкого испытания и смерти. А тут как узнала, что

утром расстреляют, расстроилась, не вытерпела и пошла к тюрьме, чтобы издали перекрестить его!

Заметили какие-то два матроса.

Стой!

И самая отборная, площадная ругань обрушилась на мою голову!

- Кто ты такая? Зачем сюды ходила? И повели в чрезвычайку.

- Не помню подробностей, что там было. Меня ругали, называли позорными словами, грозили перед самыми глазами револьверами и кулаками. И когда все же меня освободили, я не могла поверить, что осталась жива.

Я была уверена, что меня расстреляют.

Так это у вас просто делалось!

Муж этой дамы спасся случайно и был выпущен из тюрьмы только потому, что в том учреждении, где он служил, он был необходим для дела и нечем было заменить его.

Мелкий служащий этого же учреждения, сделавшийся комиссаром, пришел в чрезвычайку и заявил:

- Я, коммунист, и поэтому вы должны исполнить мою просьбу. N- мне нужен. И вы должны отпустить его на мою поруку. Предупреждаю вас при этом, что я его расстреляю, как собаку, собственноручно по первому вашему приказанию

И N - увидел свет!

Один из местных домовладельцев едва не был расстрелян только потому, что на него кто-то донес, что он каждый раз над свежей могилой «на борке» втыкал прутья».²⁷

«Расстреливались главным образом так называемых «буржуев» из интеллигенции, купечества и даже крестьянства. Расстрелы производились под утро «на борке». Там же расстрелянные и закапывались. Могилы рылись мелкие в глубину не более ½ вершка, так что, из под земли иногда виднелась обувь расстрелянных людей».²⁸ В длину могилы рылись не более 1 ½ аршин и шириной в 2 – 3 аршина. В таких могилах было по 15-25 трупов, брошенных как попало (иногда вверх ногами! По положению тел мертвых можно было судить, что некоторые из них были похоронены полуживыми, в скрюченных пальцах руки у некоторых мертвецов видна земля».²⁹

Жуткое впечатление производили те вещи, которые оттаяли и валялись около могил.

Чей-то штаблет, несколько кепок, фуражка, полупальто народного производства, изорванные грязные рубашки. Немые свидетели, которые помнили о расправе с их собственниками. Убитые осинские граждане (700 чел.) почти все были опознаны.³⁰ Но большинство было иногородних, которых никто не опознавал. Их хоронили за казенный счет.³¹

Как происходили расстрелы граждан Осинского уезда на «борке», рассказано в статье Н. Дробинина, которая написана по горячим следам в 1919 году: «Василий Прохорович маленький тощий и красноносый, с белыми, как лен волосами и редкой бородкой, в кафтане, лет 50, стал рассказывать:

- «Слыхали вы деревню Узяр, Зипуновской волости, откуда мы, фамилия наша Коровин. Увезли меня красноармейцы в Осу, посадили в острог.

- За что, спросил солдат Гаврило.

- «Саботажник» говорят, пчелы у меня были, а у пчеловодов иногда водятся мед и деньги. Держали меня в остроге недель шесть, каждую ночь уводили из нас на расстрел человек по двадцать, дошло дело и до меня – повели с артелью за город, поставили в канаве, дали залп. Все мы человек двенадцать было упали, в меня угадало три пули: вот в это плечо, в брюхо и к ногу и все три раны не душевредны. Лежу не шевелюсь. Сперва бросили нас в канаву, потом передумали, сделали петли и за ноги перетаскали в заранее вырытую могилу, волокли меня на брюхе, рубаха у меня залупилась и ободрало всю кожу; бросили меня последнего и вверх лицом; рядом со мной лежал белогорский монах вверху спиной. Забросали нас землей не толсто, так вершка на два, кое-как дышать можно было.

Покурили они, поговорили «что завтра в эту яму еще можно десяток добавить» и ушли. Я потихоньку стал от земли рот расковыривать: гляжу и монах живой ж... поднимает. Я давлю его – «погоди» шепчу «красные близко». Полежали с полчаса и вылезли оба. По неизреченной милости Господней. Выбежали в лес, перевязали раны и давай-ко молиться Богу. Так молились на коленях часа три, как никогда не маливались».³²

Беспредел осинских советских деятелей выходил за рамки даже большевистских понятий. Так вновь назначенный председатель ревкома Р. Шапошников докладывал 30 января 1919 года военному совету 2-2 Красной армии: «Члены старого ревкома и ряд видных работников занимались безудержным пьянством, как выяснилось из собранных материалов. Комитета партии не существовало, заводы бездействовали, население было совершенно забыто. Агитационной работы не велось. Типография сгорела, Радио уехало неизвестно куда. Словом, Осинский уезд представлял из себя «пустое место» с замерзшей политической и экономической жизнью».³³

В результате Ревтрибуналом 11 марта 1919 года были осуждены на три года тюрьмы с общественными работами председатель исполкома и ревкома Кибардин, председатель совнархоза Тепляков, на год условно: председатель Осинской ЧК Комольцев, Осинский уездный военком, член Осинского ревкома Веретенников, завфинансовым отделом Елкин, а зам. председателя Осинского исполкома, председатель организационного отдела, затем комиссар отдела управления Осинского исполкома Плотников был осужден на 4 месяца заключения с принудительными работами. Все они были осуждены за пьянство.³⁴

Как было сказано выше, коммунисты эвакуировали не только учреждения, но и их сотрудников, предупреждая, что кто не поедет, тот будет расстрелян, т.е. насильно. Увезены были судья К.А. Лазарев, мировые судьи Парфенов, Кибардин, Симонов, Богословский и Чехович, кандидат в судьи Реформатский, нотариус Уставщиков, казначей. Никифоров. Сначала их привезли под конвоем в с. Фоки, а затем 8 апреля на ст. Агрыз. При первой возможности специалисты старались бежать. Так это удалось казначею Никифорову.³⁵

16 марта 1919 года состоялись похороны большевистских жертв в Осе. Всего похоронили 26 человек: Насонова А.П. – бывшего городского голову, Аксенова И.В. – члена городской управа, Бутакова Д.И. – члена земской и городской управы, Бутакова Я.З. – земского гласного и директора банка, Гусева В.В. – агронома, секретаря земской управы, Польшгалова А. Н.- управляющего Крыловской дачей Голицына, Амерханов Абдул-Гирей- гласного городской думы, Чердынцева П.С., Маклецова Ф.Е., Тимофеева, Тимофеева, Смирнова В.И., Ларинина Н.З., Попова К.И., Белоусова А.С., Крашенинникова И.М., Жуланова, Занина Д.Я., Хлебникова Ф.М., Цветкова В.С., Ивановского, Карташова Н.К., Бочкарева Т.И. Жиринова А., Лопаткина И.А.

Одновременно с жертвами были похоронены 3 офицера Штурмовой бригады, убитые при взятии с. Крюково.³⁶

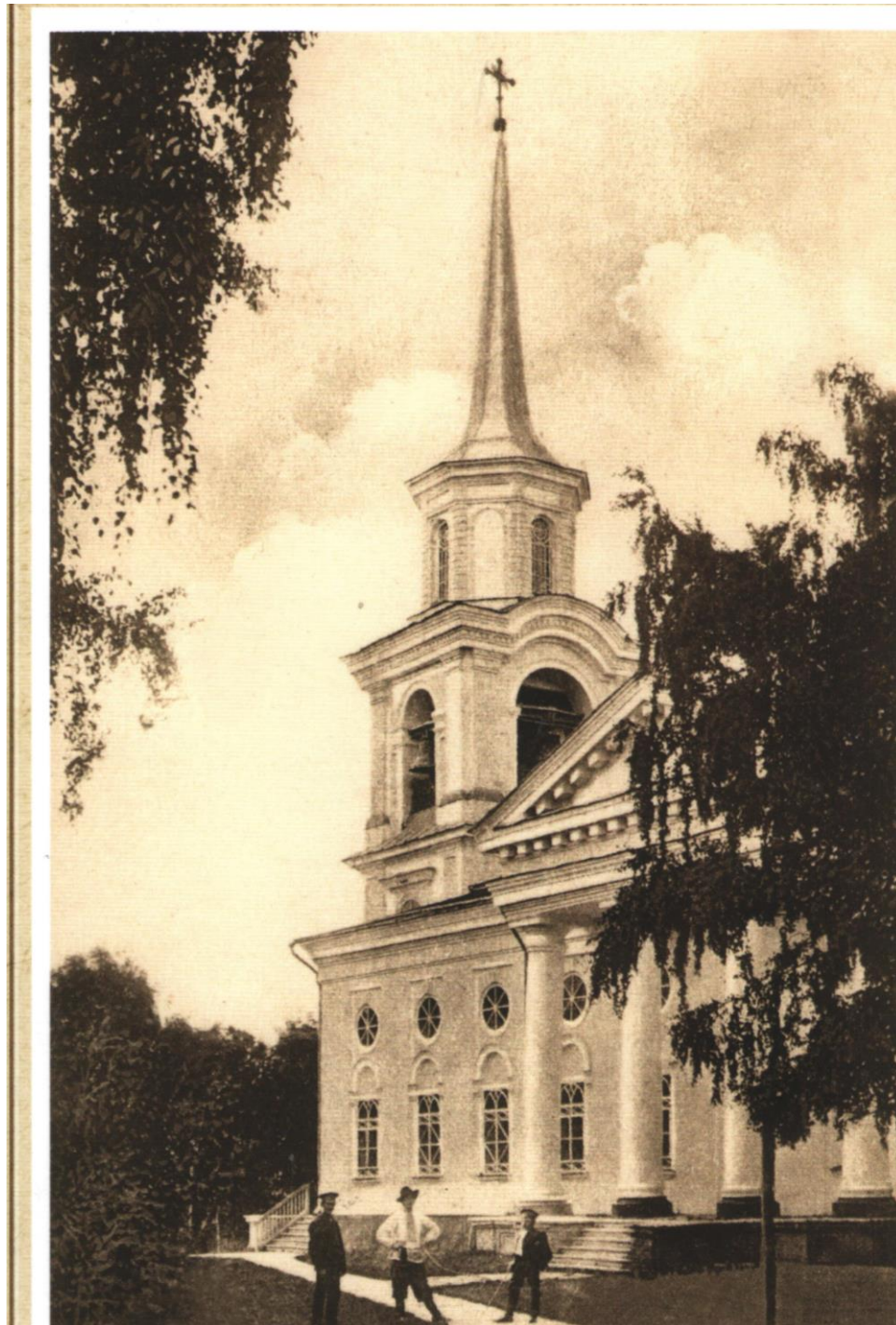
Для выяснения преступлений, учиненных большевиками в г. Осе, были посланы 16 апреля два члена Окружного суда Фомин и Двужильный.³⁷

26 марта лобное место «на борке» посетили члены американского Красного Креста. С несколько, только что открытых трупов, американцами были сняты фотографические снимки, такие же снимки сделаны были ими с трупов, на днях открытых и сложенных для опознания в помещении летнего театра.³⁸

26 мая 1919 года г. Осу из Сарапула посетила французская миссия из двух офицеров, состоящая при штабе командующего Сибирской армии, с целью ознакомления на месте с большевизмом. Ей показаны были места расстрелов и раскопки жертв, причем по желанию миссии, при них было извлечены из ям несколько изуродованных трупов. Временно исполняющий обязанности управляющего уезда - городской голова Скрутковский, в помещении городской думы представлял миссии пострадавших от большевистских насилий, с которыми миссия разговаривала, записывая некоторые

показания. Глав миссии полковник Болифро поблагодарил Осинцев, за оказанное внимание. После этого миссия уехала, на ожидавшем ее пароходе.³⁹

Полковник Казагранди был назначен начальником гарнизона г. Осы. В этот же день комендант города Осы прапорщик Киселев телеграфировал начальнику Пермского края: “7 марта по приказанию начальника боевой колонны полковника Казагранди вступил в должность коменданта г. Осы. Положение города после ухода большевиков ужасное, имущество граждан до кроватей включительно увезено, то же сделано с продовольственными припасами. Большая часть учащейся молодежи по взятию Осы вступила в ряды нашей армии”.⁴⁰ В этот же день прапорщик Киселев созвал в доме Осипова общее собрание граждан г. Осы, на котором избрали временного распорядителя города г. Скрутковского. На этом же собрании комендант предложил гражданам г. Осы составить список коммунистов, комиссаров и лиц сочувствующих советской власти.⁴¹

Полковник Казагранди не изменял своим правилам, приказав расстрелять всех коммунистов и сочувствующих им. Были расстреляны: Матвей Галдобин и Половинкин, за то что служили в ЧК, Смердев и Григорьев, как советские служащие, два брата Быковы - за службу в советской милиции. Всего же белыми было расстреляно 180 человек, в тюрьмах погибло - 250.⁴²

Через день уже собралась городская дума, которая утвердила г. Скруткого городским головой. Позднее управляющим Осинским уездом был назначен Коновалов, а начальником милиции - Суслин⁴³. Город из мертвого, постепенно превращался в живого. Началась свободная торговля. Можно было увидеть, написанное от руки, объявление красным карандашом: «Осинское общество потребителей имеет в продаже: масло сливочное, монпасье сахарное и чай». Лавка этого общества с виду большая, была поразительная пустота. Лишь в самом углу были видны на прилавке сливочное масло, столовые весы и на полке два ряда прессованного чая. Приказчик и член правления пояснили, что они только что начали работать. Красные у них конфисковали все и увезли неизвестно куда, при этом был расстрелян член правления общества Арцибашева⁴⁴.

В день занятия Осы части колонны Казагранди заняли также деревни Кашкара, Ново-Залесново, Старо-Залесново, Устиново, Десятково,⁴⁵ подойдя вплотную к с. Крюково. Здесь на линии Крюково – Березовка – Мельничная завязались ожесточенные бои. 8 марта 248-й Володарский полк красных получил приказ о наступлении на Уймашево, но ударники не только отбили все его атаки, а на плечах отступающего врага ворвались в село Крюково, при этом был убит командир 248-го Володарского полка Лунц. На другой день красные, получив подкрепление в виде Мусульманского полка в 2000 штыков, вернули себе Крюково⁴⁶. Бои за это село продолжались еще несколько дней.

13 марта белые, подтянув артиллерию, открыли ураганный артиллерийский огонь из 6 дюймовых орудий по селу Крюково, полностью уничтожив его. 248-й Володарский полк красных отступил в с. Елово, оставив на поле боя 300 трупов⁴⁷. После этого части колонны Казагранди были сменены, только что прибывшей на фронт Штурмовой бригадой 3-го Степного Сибирского корпуса полковника Пантюхина в составе 1-го штурмового (бывший 1-й Кунгурский кадровый) полка (к. полковник Галилиев) и 2-го Штурмового (бывший 2-й Кунгурский кадровый) полка (к. полковник Парфенов). Колонна Казагранди получила заслуженный отдых, расположившись в г. Осе.

За время наступления на г. Осу частями колонны полковника Казагранди были взяты большие трофеи. Так только 16-м Ишимским полком с 7-го по 9-е марта 1919 г. взято в плен свыше 1200 человек, более 1000 винтовок, 8 пулеметов, более 60 000 патронов, 100 снарядов, 2 ящика бомбардировочных мин, два парохода, 12 барж, 9000 пудов нефти, канцелярское и военное имущество 57-го Шуйского полка.

В боях за г. Осу (непосредственно) 16-й Ишимский полк потерял: убитыми: 2-х офицеров и 28 стрелков, ранеными: 5 офицеров и 96 стрелков, два стрелка обморожены и четверо пропали без вести. Известно, что получили ранение подпоручики Борис Арнаутов и Пустельников, который в госпитале скончался от полученных ран⁴⁸.

Осинцы делали все, что могли для своих освободителей. В уездной больнице, в которой осталось только две усталых от работы женщин-врачей Маргаритова и Зверева, они организовали госпиталь. К ним по собственному желанию пришел на помощь, находившийся уже на покое, доктор С.П. Мышкин.

Врачи эти приняли на себя первую тяжесть оказания помощи раненым бойцам, но что могли сделать они, когда ощущался крайний недостаток, в медикаментах, перевязке, белье, в хирургических инструментах. Им на помощь пришел, образовавшийся пол предводительством Ларисы Карловны Скрутских дамский кружок г. Осы.

Не жалея сил и времени дамы энергично принялись за сбор пожертвований бельем, пищевыми продуктами, деньгами и прочим и в каких-нибудь два три дня раненные имели почти все. Появилась возможность быстро открыть другие лечебные

заведения и распределительный пункт. Во всех открытых лечебных заведениях дамы приняли на себя добровольно уход за ранеными. Раненые высоко оценили их работу. В газете была напечатана следующая благодарность:

«От лица всех раненых выражаю врачам, дамскому кружку и всем гражданам г. Осы, так или иначе пришедшим на помощь раненым, свою глубокую благодарность за ту отзывчивость и искреннюю помощь, которую проявили они, облегчая раненых в эту поистине страшную пору.

Дивизионный врач 7-й Сибирской дивизии Горохов».⁴⁹

В городе проходили концерты и балы в пользу раненых. Так в воскресенье 27 апреля 1919 года оркестром штурмовой бригады 3-го Степного Сибирского корпуса и местным дамским кружком устраивается в здании Земской управы, концерт, а после окончания концерта - грандиозный бал. Половина сбора пошла в пользу больных и раненых воинов.⁵⁰

Кроме освободителей, осинцы помнили и о своих земляках, которые сражались с большевиками еще с августа 1918 года. На территории Осинского уезда был сформирован 3-й Осинский полк Воткинской народной армии. Крестьяне от Сайгатке до Чернушки поддержали воткинцев. Вот что писали волостные ревкомы о политическом настроении крестьян: «Большинство жителей волости настроены против советской власти ввиду того, что почти из каждой семьи есть ушедшие в банду и каждая семья ждет своих членов (ревком Альяншинской волости). Зажиточный класс населения волости относится к советской власти не доброжелательно, особенно эта недоброжелательность высказывается при взыскании чрезвычайного налога (Ошьянский исполком). В волости зажиточный класс против советской власти, особенно заметны антисоветские настроения среди мулл. Благодаря темноте бедный класс населения сильно поддается влиянию этих мулл, которые везде и всюду ведут антисоветскую агитацию, которая ввиду приближения белых достигает цели (Ново-артаульский ревком)».⁵¹

Узнав, что 3-й Осинский полк 15-й Воткинской дивизии проходит недалеко от города, они пожелали, чтобы он прошел через Осу.

27 марта в 11 часов дня 3-й Осинский полк под командованием полковника Феофилова под звуки оркестра вошел в город. На базарной площади был отслужен торжественный молебен. Городом было поднесено полку икона «Георгия Победоносца». Начальник 15-й Воткинской дивизии полковник Альбокринов обратился к полку с речью, в которой подчеркнул, что полк носит славную память борцов Козьмы Минина и Князя Пожарского, спасших нашу родину и пожелал полку следовать и в дальнейшем примеру их. После этого полк, под звуки оркестра, прошел церемониальным маршем и отправился на фронт.

Город решилшить полку знамя, которое будет вручено полку в ближайшее время.⁵² Знамя было изготовлено и вручено полку. Современники описывают его так: «На белом фоне лик Иисуса Христа, а ниже его надпись «С Нами Богъ». На другой стороне надпись «Воткинский крестьянский полк имени Минина и Пожарского».

В Осе, после освобождения, был информационный вакуум. Это после бешеной агитации красных. Понимая это, полковник Казагранди решает издавать газету в колонне. Он обращается с рапортом к генерал-лейтенанту Вержбицкому:

"Комкору 3-го Степного Корпуса.

Прошу разрешения Вашего превосходительства на издание газеты "Наша газета". Газета беспартийная, цель - информация фронта и населения прифронтной полосы. Ввиду полного отсутствия газет на фронте почти все события как военные, так и общего характера освещаются всюду ложно. Разрешите прислать первый номер газеты. Полковник Казагранди. 29 марта 1919 г. г. Оса".

С 1 апреля в г. Оса стала выходить газета колонны подполковника Казагранди "Наша Газета",⁵³ редактором которой был назначен подпоручик Черемных. Объем ее - 1 страница. Газета выходила периодически, но по мере накопления материала до 1 мая 1919 года. Редакция располагалась по Оханской улице в доме Осина рядом с земской почтой. Газета давала не только подробный отчет о боевых действиях Западной и Сибирской армий, но и уделяла внимание жизни города Осы. Перед весенним наступлением газета писала о большом значении рек в предстоящем наступлении.

Колонна полковника Казагранди уже 29 марта была на фронте в районе с. Черновского, а 7 апреля захватила Воткинский завод, где расположилась на отдых. С середины апреля до 3 мая в г. Осе отдыхала Штурмовая бригада 3-го Степного корпуса.

Русская армия. №1 3 сентября 1919 г.

Мусульманские добровольческие отряды. М. Вахитов г. Оса.

Французская миссия в Осе.

Освобождение России. – концерт перед отступлением.

Начальник гарнизона г. Осы полковник Пантюхин.

Адъютант поручик Шабалин.

- ¹ Шесть лет 21-й Пермской дивизии. – Новониколаевск, 1923. – С.18.
- ² О.А. Немытов, Н. И. Дмитриев. 16-й Ишимский стрелковый полк. – Екатеринбург, 2009. – С. 77.
- ³ Кунгурский вестник. – 1919. – 11 февраля.
- ⁴ Директивы командования фронтов Красной Армии. Т-4. - Москва, 1978. – С.56.
- ⁵ Отчий край. – Пермь, 1991. – С.150; Освобождение России (Пермь). – 1919. – 25 апреля.
- ⁶ Советское Прикамье (Оса). – 1977. – 3 сентября.
- ⁷ ГАПО. Ф. Р-359. Оп.1. Д.89. Л.37-38.
- ⁸ vegin@urn.ru
- ⁹ Гражданская война в Прикамье . - Пермь, 2008. – С.188.
- ¹⁰ 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья.- Устинов, 1987. – С.128-129.
- ¹¹ Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 10 апреля.
- ¹² Шесть лет 21-й Пермской дивизии. – Новониколаевск, 1923. – С.15.
- ¹³ Шесть лет 21-й Пермской дивизии. – Новониколаевск, 1923. - С.7.
- ¹⁴ Кунгурский вестник. – 1919. – 4 марта.
- ¹⁵ 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья.- Устинов, 1987. – С.132-133.
- ¹⁶ Советское Прикамье (Оса). – 1969. – 22 февраля.
- ¹⁷ Советское Прикамье (Оса). – 1977. – 3 сентября.
- ¹⁸ С.С. Балмасов. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. – Москва, 2006. – С.187
- ¹⁹ С.С. Балмасов. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. – Москва, 2006. – С.188.
- ²⁰ Наш Урал (Екатеринбург). -1919. – 10 апреля.
- ²¹ Кунгурский вестник. – 1919. – 7 апреля.
- ²² С.С. Балмасов. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. – Москва, 2006. – С.187.
- ²³ Свободная Пермь. – 1919. – 23 марта.
- ²⁴ Наша газета (Оса). – 1919. - 29 апреля.
- ²⁵ Известия Осинского уездного исполнительного комитета Советов Крестьянских, рабочих и армейских депутатов. – 1918. - 25 сентября, Наш Урал (Екатеринбург) – 1919. – 1 апреля.
- ²⁶ Современная Пермь. – 1919. 2 апреля.
- ²⁷ Наша газета (Оса). – 1919. - 29 апреля.
- ²⁸ С.С. Балмасов. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. – Москва, 2006. – С.187.
- ²⁹ Современная Пермь. – 1919. – 2 апреля; Наша газета (Оса). – 1919. - 27 апреля.
- ³⁰ Наша газета (Оса). – 1919. - 27 апреля.
- ³¹ Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 10 апреля.
- ³² Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 4 мая.
- ³³ Гражданская война в Прикамье . - Пермь, 2008. – С.169.
- ³⁴ Гражданская война в Прикамье . - Пермь, 2008. – С.184-185.
- ³⁵ Наша газета (Оса). – 1919. - 16 апреля; С.С. Балмасов. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. – Москва, 2006. – С.188.
- ³⁶ Освобождение России (Пермь). – 1919. – 23 марта.
- ³⁷ С.С. Балмасов. Красный террор на востоке России в 1918 – 1922 гг. – Москва, 2006. – С.186.
- ³⁸ Освобождение России (Пермь). – 1919. – апреля.
- ³⁹ ГАПК Ф. Р-746. Оп.2. Д.46. Л.113.
- ⁴⁰ Вестник Приуралья (Челябинск). – 1919. – 20 марта.
- ⁴¹ Освобождение России (Пермь). – 1919. – 3 мая.
- ⁴² Отчий край. – Пермь, 1991. – С.153, 157.
- ⁴³ Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 25 марта.
- ⁴⁴ Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 10 апреля.
- ⁴⁵ Кунгурский Вестник. – 1919. – 9 марта.
- ⁴⁶ Алексеев. Страницы прожитого. – Ижевск, 1959. – С.191.
- ⁴⁷ Вестник Приуралья (Челябинск). – 1919. – 14, 15 марта.
- ⁴⁸ О.А. Немытов, Н. И. Дмитриев. 16-й Ишимский стрелковый полк. – Екатеринбург, 2009. – С. 78.
- ⁴⁹ Наша газета (Оса). – 1919. - 16 апреля.
- ⁵⁰ Наша газета (Оса). – 1919. - 27 апреля.
- ⁵¹ ГАПО. Ф. Р-359. Оп.1. Д.77. Л.77, 78.
- ⁵² Наш Урал (Екатеринбург). – 1919. – 13 апреля.
- ⁵³ Освобождение России (Пермь). – 1919. – 16 апреля.